

А.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

РАЦИОНАЛЬНОЕ В САТИРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: ЦИКЛ «МЕДИЦИНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» А.К. ТОЛСТОГО

Рассматриваются сатирические приемы и образы цикла «Медицинские стихотворения» А.К. Толстого, ставшие своеобразной реакцией на засилье утилитаризма и рационализма, символом которых во второй половине XIX в. становятся естественные науки, прежде всего – медицина.

Ключевые слова: *рациональное и эмоциональное, сатира, образ врача, этномологические образы, комедии дель арте, карнавальная традиция.*

Цикл «Медицинских стихотворений» А.К. Толстого включает в себя пять поэтических произведений объединенных, темой медицины. Образная система медицинского цикла в своей сути является актуализацией традиционной для литературы и фольклора темы мнимого больного и мнимого врача. А.М. Ранчин, анализируя сатирические стихотворения А.К. Толстого, пишет о причинах выбора центрального образа: «Несчастный доктор избран Толстым в комические персонажи не случайно: фигура “непоэтическая”, ассоциирующаяся с миром физиологии и ставшая одним из символов претившего поэту нигилизма» [11].

Основой для создания центрального образа стало знакомство А.К. Толстого с доктором А.И. Кривским, который жил в Красном Роге в течение двух лет с 1868 по 1870 гг., как раз в период создания анализируемого цикла [16, с. 579]. А.К. Толстой упоминал о том, что посвятил цикл А.Н. Кривскому в своем письме Б.М. Маркевичу, в котором рассказывал о прекрасной природе окружающей его имение в Красном Роге: « <...> доктор пресловутый кровосмесительный любовник шпанских мух и всяких жестоккрылых, каким Вы его знаете по моим стихам, ему посвященным, даже он при всей своей толщине и при всем своем филистерстве не в силах противиться этому всевластному очарованию...» [Там же, с. 274].

Кроме реального прототипа, образ доктора в творчестве А.К. Толстого мотивирован мировоззренческими и поэтическими причинами. Такого рода комический образ является своеобразной реакцией на засилье утилитаризма и рационализма, символом которых во второй половине XIX в. становятся естественные науки, прежде всего – медицина. Рациональность как тотальное свойство в образе врача приводит к преобладанию в нем абсурдности, а отрицание духовности героя – к его упрощению и схематизации, к превращению его в комическую маску. Поэтому образ доктора, созданный в медицинском цикле А.К. Толстого, по своей структуре близок к маскам народного театра и связан с карнавальными традициями. «Словесные смеховые произведения разного рода имеют связь с карнавальными площадью и обрядово-зрелищными формами карнавального типа, а также используют карнавные формы и символы, которые, по мнению М.М. Бахтина, предстают перед нами в <...> снижающих образах, являющихся “веселой материей” (испражнения); образе родов; образе огня; кухонных образах, образах целебных снадобий, врача и многих других» [5, с. 162]. В частности, сатирическое прочтение образа врача связано с западноевропейской традицией театра масок – Commedia Dell'Arte, а конкретно – с образом доктора. Данный персонаж представляет собой сатиру на ученого, юриста, врача: «здоровый человек заболел благодаря медицинским советам доктора, больной выздоравливал вопреки его советам, и если никто не умирал, то только потому, что успевали вовремя оценить меру учености этого ученика Эскулапа» [3, с. 109].

В цикле А.К. Толстого отражен самый печальный итог работы доктора – летальный исход. Смерть больного является темой двух произведений цикла: «Навозный жук, навозный жук...» (1868) и «Верь мне, доктор (кроме шутки!)...» (1868).

В стихотворении «Навозный жук, навозный жук...» доктор прямо обвиняется в смерти пациентки:

*Лукавый врач, лукавый врач!
Трепещешь ты не без причины
Припомни стон, припомни плач,
Тобой убитой Адольфины!* [16, с. 388]

В тексте содержится характерный для карнавального типа юмора образ ложного целебного снадобья – «каломельные пилюли», которые и стали причиной смерти несчастной. Комментарием к тексту должно явиться указание – что такое каламель и какие заболевания лечили этим веществом: «В медицине XVIII – XIX вв. часто использовалась не сама ртуть, а каламель – хлорид ртути (I). Ее использовали в качестве глазной мази, для лечения венерических заболеваний, особенно сифилиса, как желчегонное и слабительное» [8]. Пилюлями лечили заболевания пищеварительного тракта, что возвращает нас сфере телесного низа – «веселой материи», характерной для народного смехового творчества.

Важнейшей темой в анализируемом произведении становится месть скончавшейся пациентки Адольфины, которая преследует врача:

*С тех пор моя летает тень,
Вокруг тебя жуком навозным* [16, с.388]

Характерна также комически-пародийно трактуемая тема совести, которая мучает «лукавого врача»:

*О врач, скажи, твоя мечта
Теперь какую слышишь повесть?
Какого ропот живота
Тебе на ум приводит совесть?* [Там же]

Для карнавальных текстов типична бинарная оппозиция жизнь / смерть, граничащая с темой бес-смертия и воскрешения, в нашем случае она реализуется как посмертное перевоплощение: «Гротескный образ, – пишет М.М. Бахтин, – характеризует явление в состоянии его изменения, незавершенной еще метаморфозы, в стадии смерти и рождения, роста и становления» [1, с. 31]. Превращение больной Адольфины после смерти в навозного жука создает комический эффект и отодвигает страх смерти на второй план: возникает десакрализация темы смерти и загробной жизни. Интересно отметить, что выбор имени пациентки, так же связан с образом жука, так как Ламприма Адольфина – название жука из семейства Рогачей.

Одной из причин, по которой автор облакает дух покойницы в облик навозного жука, может быть сравнение по характеру звуков: шума, производимого навозным жуком во время полета и «ропота живота». Образ навозного жука в соответствии с мифопоэтическими традициями резкой оценочности не несет, обладает нейтральной топикой и его определяющей чертой является созидающее начало [2, с. 221]. Тема, как ее называет М.М. Бахтин, матерально-телесного низа, в нашем случае выражена через навоз и ассоциативный ряд к нему. Жук, в которого материализовалась по сюжету сатиры Адольфина, имеет дело в основном с навозом, в нем живет, размножается и им же питается, отчего и имеет такое название. В стихотворении А.К. Толстого жук-Адольфина и связанная с ним табуированная тема его среды обитания накладывает определенный отпечаток на образ преследуемого врача, наделяя его сниженной семантикой.

Образ лукавого врача из стихотворения «Навозный жук, навозный жук...» непосредственно связан с образом доктора из произведения «Отрывок из поэмы “Медик”» (Лукавый врач...) К. Пруtkова – литературной маски, одним из создателей которой являлся А.К. Толстой. Произведение представляет собой пародирование позитивистского, прагматического отношения к пациентам: врач, которого ждет умирающая «тетка сторожа», задерживается в пути – в итоге пациентка умирает, не дождавшись лекарств. “Злобный медик” равнодушно констатирует ее смерть и требует оплаты за визит. Цинизм

становится объектом пародирования, что непосредственно связано с христианским мировоззрением авторов-создателей литературной маски, они утверждали абсолютное главенство духовного начала в человеке, тем самым, опровергая возможность телесного здоровья без нравственного здоровья души и критикуя пользу рационализации жизни. Именно поэтому врач назван «лукавым», что неизбежно вызывает ассоциации с дьявольским началом [10, с. 88]. Жанр пародии, в котором создано произведение К. Пруткова, добавляет новые смысловые оттенки к образу медика, утилитаризм приобретает инфернальные черты. Авторство данного произведения не установлено, как и год его создания, известно только, что опубликовано оно было впервые в 1876 г. в приложении к журналу «Современник» [12], т.е. позже создания стихотворения «Навозный жук, навозный жук...». Тем не менее, не зная доподлинно год создания, невозможно установить, создано ли стихотворение Толстого под влиянием совместной работы с братьями Жемчужниковыми или же А.К. Толстой является автором обоих стихотворений, однако мотивная связь данных произведений не вызывает сомнения.

В стихотворении «Верь мне, доктор (кроме шутки!)...» (1868), мотив смерти является текстообразующим, сатира завязывается вокруг спора пономаря и врача, приведшего к смерти последнего. Стоит отметить, что в комедии дель арте по причине цензуры и феодально-католической реакции не касались темы церкви и образов священнослужителей. Однако в других произведениях западноевропейской литературе сопоставление духовных лиц и ученых, а так же сатирическое прочтение образа церковного причта широко использовалось в антицерковной литературе, например, в поэзии вагантов, в комедиях Ж.-Б. Мольера, у которого, в частности, оно приобрело такую форму воплощения, как образ «святоши». А.К. Толстого также «очень забавила пара "врач – священник"»: лекарь тела – лекарь духа. В обыходе большинства людей телесное врачевание связывалось тогда с пилюлями, клизмами, пиявками и прочей незатейливой методой, а духовное целительство – с церковно-приходскими увещаниями, наставлениями на путь истинный. Надо иметь в виду, что по своему культурному уровню вообще мало кто мог идти в сравнение с одним из первых поэтов России. Вот он и оттачивал на духовенстве и врачах юмористический дар» [12, с. 283].

Так, в анализируемом стихотворении образ врача дается на ряду с образом пономаря, объединяет их сатира на глупость. Сатирическая реализация для каждого из образов имеет нюансы, так, глупость пономаря – это невежество, а врача – упрямство и скептицизм. Данные образы наделены полярными характеристиками в аспекте соотношения рационального (врач) и эмоционального (пономарь). Недаром пономарь обращается к доктору со словами: «Верь мне, доктор». Вера – иррациональная категория.

Как ни странно, но врачу автор в данном произведении уделяет меньше внимания, чем пономарю, образ медика обрисован буквально одним катреном:

*Врач, скептического склада,
Не любил духовных лиц
И причетнику в досаду
Проглатил пятьсот яиц [16, с. 389]*

Единственная характеристика врача находится в сфере категорий рациональности – «скептического склада», имеется в виду склад ума. Слово «ум» опущено в данном обороте специально, все категории ума в данном стихотворении намеренно не используются, тем самым подчеркивается его отсутствие у героев. Обратимся к семантике слова «скептический». В разных словарях находим похожие его трактовки: «ничему не верящий без анализа» [6, с. 571], «недоверчивый, подозрительный» [9, с. 602], «недоверчивый, полный сомнения» [7, с. 568], «ничему не доверяющий без проверки» [18, с. 512]. Резко негативной оценки данное описание не несет: учитывая неправдоподобность заявления пономаря, подозрительность, свойственную доктору, читатель воспринимает нейтрально. На первый взгляд, врач кажется жертвой церковников, спровоцировавших его на абсурдное действие – съесть пятьсот яиц, вследствие чего врач умирает, а «духовные же лица», которых врач так не любит, остаются жить и ут-

верждать собственную глупость. Авторское осуждение скептицизма можно почувствовать благодаря абсурдности и гиперболизации приводимого врачом доказательства собственной правоты. О.Л. Чернорицкая в работе «Поэтика абсурда» пишет: «Странные, с точки зрения обыденной логики, поступки литературных персонажей, как правило, результат намерения автора применить метод доказательства от противного, чтобы лишний раз подчеркнуть бессмысленность и «невозможность» идеи, персонифицируемой этим персонажем» [17, с. 58]. Следовательно, безумный поступок врача характеризует несостоятельность его убеждений.

Однако, негативное отношение врача к причту оправдывается автором, благодаря дополнительным характеристикам последних:

*Холм насытан. На рассвете
Пир окончен в дождь и грязь,
И причетники мыслете
Пишут, за руки схватясь* [16, с. 389]

Комическое снижение образа вызывает характеристика поминального обеда – «пир». Церковный причт вместо традиционных в христианской культуре скорбных поминок с постом и молитвой по усопшему устраивает нечто более похожее на языческую тризну, после которой они возвращаются, «выписывая мыслете». Вот как об этом пишет А.Е. Смирнов: «Напившиеся на поминках врача причетники бредут, схватившись за руки, по грязи, чтобы не упасть. Качаясь и шарахаясь в разные стороны, они выписывают ногами букву «М», которая в старину произносилась как мыслете. Здесь двойной эффект. Во-первых, буква «М» зрительно воспроизводит походку пьяных причетников: вперед – наискось назад – наискось вперед – снова назад... А во-вторых, какое уж тут «мыслете», какая мысль?..» [13, с.281]. Последнее утверждение исследователя возвращает нас к предмету сатирического осмеяния – глупости и подтверждает высказанную нами ранее мысль о преобладании абсурда в анализируемых стихотворениях.

Еще одна не маловажная черта характера доктора – его болтливость – раскрывается в стихотворении «Берестовая дудочка». В характеристике образа доктора как персонажа комедии дель арте читаем: «Голова доктора вмещает в себя довольно много обрывков учености, но в ней отсутствует логика. Поэтому, когда содержимое этой странной головы начинает сыпаться в виде речи, построенной по всем правилам риторики, – получается фейерверк прописных афоризмов, лишенных какой бы то ни было связи и самого элементарного смысла» [3, с. 109]. Данное рассуждение объясняет, как связаны между собой игра на дудочке и мечты врача в которых перемешиваются «медицинские материи и любовь и красота» [11].

Врач наигрывает на дудочке «бессознательный мотив». Интересна семантика слова бессознательный, одно из значений, определяемых словарем – «не направляемый и не контролируемый сознанием» [4, с. 83], А сознание в свою очередь трактуется, как «человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении, <...> высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью...» [14, с. 1232]. Как следует из данных словарных статей, сознание – способность человека логично мыслить, рассуждать, а его отсутствие – неспособность к такого рода действиям. Отсутствие осознанности в музыкальном мотиве, который наигрывает доктор, соответственно, характеризует его образ.

Важна для понимания сатирической направленности стихотворения символика образа скворца. Скворец – это певчая птица, у которой развито звукоподражание. Теперь становится понятна художественная функция образа скворца – он мастер в подражании, но врач оказался гораздо виртуознее в бессмысленном бессознательном повторении, поэтому и позавидовал скворец. А. Смирнов иначе интерпретирует смысл этого образа: «под завистливым скворцом <...> автор изобразил себя – песнетворца ревнующего к дудочке врача так очаровавшей “птичек”» [13, с. 283]

В работе А.К. Дживелегова «Итальянская народная комедия» об образе Доктора сказано: «Профессиональный момент в характере Доктора выдвигается на ряду с его особенностями как человека. Он старик, <...> богат, скуп и падок до женщин» [3, с.110]. В цикле А.К. Толстого сладострастие Доктора осмеивается в первом стихотворении цикла – «Доктор божьей коровке ...». Данное стихотворение затрагивает тему совращения невинной, проникнуто различными категориями эмоционального (стыд, страх, любовь, вера) и соответствует поэтике абсурда. Доктора иррационален: он не только проявляет недвусмысленные чувства по отношению к божьей коровке, он верит в «бесовское наваждение» и чудеса:

*Подстегнул меня, знать, бес! –
Сколько в мире есть чудес! [16, с.387]*

Доктор назначает randevу божьей коровке, что само по себе алогично, но с этого момента сюжет развивается соответственно созданной автором художественной условности – насекомое может быть любовником человека. Более того, божья коровка ставится в ряд с другими представительницами прекрасного пола:

*Дщери нашей бабки Евы!
Так-то делаете все вы!
Издали: «Мон Соеур, mon tout», –
А пришлось начистоту,
Вам и стыдно, и неловко [Там же]*

Образ божьей коровки наполнен положительными и высокими коннотациями, она связана с высшим Божественным миром:

*Кем наставлена, не знаю,
К чудотворцу Николаю
(Как то делалось встарь)
Обратилась Божья тварь [Там же]*

Божья коровка у всех народов мира пользуется большой симпатией и любовью. Считается, что она может выполнять роль посредника между разными мирами – миром живых и миром мертвых. Так и в анализируемом произведении Божья коровка спасается благодаря божественному чуду, возникшему после ее молитвы «чудотворцу Николаю».

Последнее стихотворение медицинского цикла А.К. Толстого – «Муха шпанская сидела...» – повествует нам о любовных похождениях, как становится понятно из уже ранее процитированного нами письма к Б. Маркевичу. Однако основной темой стихотворения является месть шпанской мухи доктору:

*Для таинственного дела
Доктор крался в темноте.
Вот присеем он у сирени,
Муха, яд в себе тая
Говорит: «теперь для мщенья
Время вылучила я!»
Уязвленный мухой больно,
Доктор встал, домой спеша
И на воздухе неволью
Выкидает антраша [16, с. 390]*

Смысл данного стихотворения раскрывается с процессе анализа образа насекомого. Шпанские мухи живут на ясене, сирени, бирючнике, жимолости, бузине, клене, тополе, трубоцвете и розе, пита-

ясь мякотью листьев этих растений. До восхода Солнца, пока они сидят неподвижно на деревьях и кустарниках, их стряхивают на землю, собирают, высыпают в бутылки и закупоривают, после чего они довольно скоро погибают [19, с. 247]. Таким образом, Шпанская муха мстит доктору за регулярный отлов и уничтожение, сирень – это реалистичный элемент, описание среды обитания данных насекомых. Пояснить причину сбора доктором шпанских мух может следующий медицинский факт: порошок шпанских мух уже издавна пользуется репутацией средства, возбуждающего половое влечение. Это объясняет авторскую ремарку и возвращает нас к теме материально-телесного низа и характерного для образа доктора порока сладострастия.

Образ доктора, созданный в медицинском цикле А.К. Толстого, соответствует карнавальная поэтика народного театра, он символизирует собой глупость, пошлость и дополняется характерной для творчества поэта антинигилистической направленностью, являясь сатирой на рациональность и утилитаризм. Одним из художественных средств, актуализирующих данную семантику, является обращение энтомологическим образам. Образы насекомых акцентируют различные стороны характера доктора: его глупость, шарлатанство, распутство.

В целом анализируя образы животных, следует отметить, что их положение в данном цикле как бы над человеком. Они имеют право карать грешника врача (навозный жук вызывает муки совести у врача – убийцы Адольфины, шпанская муха мстит не ожидающему этого доктору), давать ему советы (скворец, говорит, что «врачу была бы приличней оловянная труба») и связываются с Богом через Его служителей (божья коровка молится чудотворцу Николаю). Возможно, это является следствием фольклорной традиции, в которой «хтонические существа насекомые олицетворяют собой дикую природную мощь земли подземное царство» [15, с. 338], но, учитывая специфику поэзии А.К. Толстого, стоит предположить, что животные олицетворяют абсурдность бытия.

Литература

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990.
2. Ватутина А.С. Постмодернистский образ насекомого как квинтэссенция «высокого» и «низкого»: Д. Пригов, В. Пелевин, Л. Петрушевская. // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, Филология. Искусствознание. 2014. № 2 (3). С. 219 – 223
3. Джигелегов А.К. Итальянская народная комедия. М.: Издательство академии наук СССР. 1954.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000
5. Загibalова М. А. Смеховое начало как «стержевая» категория карнавальности в концепции М.М. Бахтина // Вестник Волгogr. гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. Вып. № 1. 2008 С. 162–171.
6. Михельсон А.Д. Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, со значением их корней.
7. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1907.
8. Паевский А. Убийственная медицина [Электронный ресурс]. URL: http://chrdrk.ru/weekend/2015/8/20/lekarstava_ubijtsy (дата обращения : 18.05.2015).
9. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 1907.
10. Путило А.О. К вопросу о жанре отрывка в творчестве К. Прутков Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №3(37). Апр. 2015.
11. Ранчин А.М. Юмор и сатира в поэзии графа А.К. Толстого [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/43356.php> (дата обращения: 10.11.2015).
12. Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863. Сер. : Литературные памятники. М.: Наука, 1981.
13. Смирнов А. Козьма Прутков. М.: Молодая гвардия, 2011. Сер. : «Жизнь замечательных людей».
14. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1984
15. Терновская О.А. К описанию народных славянских представлений, связанных с насекомыми: Одна система ритуалов изведения домашних насекомых // Славянский и балканский фольклор: Обряд и текст. М.: Наука, 1981.
16. Толстой А. К. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1963. Т. 4.
17. Черноризкая О.Л. Поэтика абсурда. Классика. Т. 1 Вологда, 2001.
18. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 1910.
19. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Список статей ЭСБЕ: Мп-Му. т. XX, Мухи шпанские. С. 247–248

The rational in satiric interpretation: the cycle of “Medical poems” by A.K. Tolstoy

There are considered the satiric methods and images of the cycle of “Medical poems” by A.K. Tolstoy which became a reaction to the dominance of utilitarianism and rationalism. Its symbols in the second half of the XIX century are represented by natural sciences, and first of all by medicine.

Key words: the rational and the emotional, satire, image of a doctor, entomological images, comedies dell'arte, the carnival tradition.